

Дигха Никая 8

Кассапа-сиханада сутта

Львиный рык (аскету) Кассапе

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот, что я слышал. Однажды Блаженный остановился в Уджунне в оленьем парке Каннакаттхале. И вот обнаженный аскет Кассапа приблизился к Блаженному. Приблизившись, он обменялся с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и стал в стороне. И стоя в стороне, обнаженный аскет Кассапа так сказал Блаженному:

2. – “Слышал я так, почтенный Готама: Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях...” И вот, почтенный Готама, те, которые говорят так: “Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь, он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях”, но говорят ли они, почтенный Готама, действительно сказанное и не клеветают ли они лживым образом на Блаженного Готаму? Разъясняют ли они истину во всей ее последовательности, и не приходят ли все, согласные с истиной, мысли учения к какому-либо порицаемому положению? Ведь мы не хотим клеветать на досточтимого Готаму”.

3. – “Те, Кассапа, которые говорят так: “Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь, он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях”, — не говорят сказанного мною и лживым образом, недостойно клеветают на меня. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий в лишениях... с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, аду. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий в лишениях, ... с распадом тела после смерти вновь рождается в счастье, в небесном мире. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий с незначительными тяготами, ... с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, аду. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий с незначительными тяготами, ... с распадом тела после смерти вновь рождается в счастье, в небесном мире. И вот, Кассапа, я постигаю таким образом, как эти подвижники в соответствии с действительностью приходят и уходят, оставляют существование и вновь рождаются – зачем же стану я осуждать всякое подвижничество, не колеблясь, порицать и обвинять всякого подвижника, живущего в лишениях?”

4. Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, мудрые, изошренные, искусные в спорах, способные пронзить волос, которые, я бы сказал, движутся, расщепляя ложные взгляды ходом своего постижения. И с ними я в некоторых положениях согласен, в некоторых положениях не согласен. Кое о чем они говорят: “так”, и мы говорим о том “так”. Кое о чем они говорят: “не так”, и мы говорим о том: “не так”. Кое о чем они говорят: “так”, а мы говорим о том “не так”. Кое о чем они говорят: “не

так”, а мы говорим о том: “так”. Кое о чем мы говорим: “так”, и другие говорят о том: “так”. Кое о чем мы говорим: “не так”, и другие говорят о том: “не так”. Кое о чем мы говорим: “так”, а другие говорят о том: “не так”. Кое о чем мы говорим: “не так”, а другие говорят о том: “так”.

5. И, приблизившись к ним, я говорю: “В каких положениях достопочтенные, между ними нет согласия – пусть те положения остаются в покое. Что же до положений, в которых есть согласие, то пусть разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают – учитель учителя или община общину: “Кто, досточтимые, живет, полностью отказавшись от этих вещей, от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы, или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными, отшельник Готама или же другие почтенные наставники толпы”?

6. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: “Отшельник Готама, досточтимые, живет, отказавшись от этих вещей полностью, другие же почтенные наставники толпы – лишь в незначительной степени, — от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными”. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

7. И вот далее, Кассапа, разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают учитель учителя или община общину: “Кто, досточтимые, живет, полностью предавшись этим вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными, отшельник Готама или же другие почтенные наставники толпы?”

8. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: “Отшельник Готама, досточтимые, живет, предавшись этим вещам полностью, другие же почтенные наставники толпы – лишь в незначительной степени, — вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными”. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

9. И вот далее, Кассапа, разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают учитель учителя или община общину: “Кто, досточтимые, живет, полностью отказавшись от этих вещей – от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы, или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными, община учеников Готама или же община учеников других почтенных наставников толпы”?

10. И случается, Кассапа, что разумные последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: “Община учеников Готама, досточтимые, живет, отказавшись от этих вещей полностью, община же учеников других почтенных наставников толпы – лишь в незначительной степени, — от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы, или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются

недостаточно праведными, позорны или считаются позорными”. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

11. И вот далее, Кассапа, разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают учитель учителя или община общину: “Кто, досточтимые, живет, полностью предавшись этим вещам — вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными – община учеников Готама или же община учеников других почтенных наставников толпы?”

12. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: “Община учеников Готама, досточтимые, живет, предавшись этим вещам полностью, община же учеников других почтенных наставников толпы – лишь в незначительной степени, вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными”. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

13. Есть, Кассапа, путь, есть способ, следуя которому, человек сам узнает, сам видит: “Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении”. Каков же, Кассапа, путь, каков способ, следуя которому, человек сам узнает, сам видит: “Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении”? Это праведный восьмичленный путь, а именно: правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное действие, правильное поддержание жизни, правильное усилие, правильная способность самосознания, правильная сосредоточенность. Таков, Кассапа, путь, таков способ, следуя которому, человек сам узнает, сам видит: “Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении”.

14. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа, сказал Блаженному: “Вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов. Обнаженный аскет свободно ведет себя, облизывает руки после еды, не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться за милостыней, не принимает ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения. Он не принимает пищи с края горшка, не принимает пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи, ни там, где находится собака, ни там, где роями слетаются мухи, не ест ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи. Он довольствуется милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи, пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца.

И вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются

отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов. Он питается овощами, питается просом, питается сырым рисом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом, живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими перед ним плодами.

И вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов. Он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит покрывало из перьев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сидения, сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет на себе пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают, питается нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; он омывается вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде”.

15. — "Когда обнаженный аскет, Кассапа, свободно ведет себя, облизывает руки после еды, не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться за милостыней, не принимает ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения, не принимает пищи с края горшка, не принимает пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух сидящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи, ни там, где находится собака, ни там, где рядом роем слетаются мухи; не ест ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствуется милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи, пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца, — когда он делает все это и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в мысли, совершенство в постижении, то, поистине, он далек от отшельничества, и далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен, в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишнее греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И когда, Кассапа, он питается овощами, когда, Кассапа, он питается просом, питается сырым рисом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом, живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими перед ним плодами — и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в мысли, совершенство в постижении, то, поистине, он далек от отшельничества, и далек от брахманства. С той

же поры, Кассапа, как монах дружелюбен, в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И когда, Кассапа, он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит покрывало из перьев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сидения, сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет на себе пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают, питается нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; он омывается вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, когда он делает все это и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в мысли, совершенство в постижении, то, поистине, он далек от отшельничества, и далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен, в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

16. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Блаженному: “Трудно достижимо отшельничество, почтенный Готама, трудно достижимо брахманство”.

- “Так говорят обычно в этом мире, Кассапа, “Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство”. Но, если бы обнаженный аскет, Кассапа, свободно вел себя, облизывал руки после еды, но принимал предложения подойти и не принимал предложения остановиться за милостыней, не принимал ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения; не принимал пищи с края горшка, не принимал пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи; ни так, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; не ел ни рыбы, ни мяса, не пил ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствовался милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; жил одним подношением, или жил двумя подношениями, или жил семью подношениями; жил, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользовался пропитанием раз в день, или пользовался пропитанием раз в два дня, или пользовался пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца, — если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: “Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство”. Ведь так смог бы сделать любой домохозяин или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: “Вот я становлюсь обнаженным аскетом, свободно веду себя, облизываю руки после еды, не принимаю предложения подойти и не принимаю предложения остановиться за милостыней, не принимаю ни предложенной мне пищи, ни предназначенной для меня пищи, ни приглашения; не принимаю пищи с края горшка, не принимаю пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух

едящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с женщиной, ни собранной пищи; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; не ем ни рыбы, ни мяса, не пью ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствуюсь милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; живу одним подношением, или живу двумя подношениями; живу, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи; пользуюсь пропитанием раз в день: или пользуюсь пропитанием раз в два дня, или пользуюсь пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца”. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: “Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство”. С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И если бы, Кассапа, он питался овощами, питался просом, питался сырым мясом, питался даддулой, питался хатой, питался красной пылью между шелухой и зерном риса, питался накипью от вареного риса, питался сезамовой мукой, питался травами, питался коровьим пометом; жил, поедая лесные корни и плоды; кормился упавшими перед ним плодами, — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: “Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство”. Ведь так смог бы сделать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: “Вот я питаюсь овощами, питаюсь просом, питаюсь сырым мясом, питаюсь даддулой, питаюсь хатой, питаюсь красной пылью между шелухой и зерном риса, питаюсь накипью от вареного риса, питаюсь сезамовой мукой, питаюсь травами, питаюсь коровьим пометом; живу, поедая лесные корни и плоды; кормлюсь упавшими передо мной плодами”. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: “Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство”. С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И если бы, Кассапа, он носил одежду из пеньки, носил одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носил одеяния мертвецов, носил отрепья с мусорной свалки, носил одежду из коры тиритаки, носил одежду из кожи черной антилопы, носил накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носил одежду из волокон кусы, носил одежду из лыка, носил одежду из деревянных дощечек, носил покрывало из человеческих волос, носил покрывало из лошадиных волос, носил покрывало из перьев совы; выщипывал волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находился в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидел на корточках, следуя упражнению сиденья на корточках; пользовался подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложился на постель из деревянных дощечек, ложился на голую землю, лежал на одном боку, нес на себе пыль и грязь, пребывал на открытом месте; занимал то сиденье, которое ему предлагают; питался нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пил, следуя отказу от питья; омылся вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество

или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". Ведь так смог бы сделать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Вот я ношу одежду из пеньки, ношу одежду, сплетенную отчасти из пеньки, ношу одеяния мертвецов, ношу отрепья с мусорной свалки, ношу одежду из коры тиритаки, ношу одежду из кожи черной антилопы, ношу накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, ношу одежду из волокон кусы, ношу одежду из лыка, ношу одежду из деревянных дощечек, ношу покрывало из человеческих волос, ношу покрывало из лошадиных волос, ношу покрывало из перьев совы, выщипываю волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; нахожусь в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сижу на корточках, следуя упражнению сидения на корточках; пользуюсь подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложусь на постель из деревянных дощечек, ложусь на голую землю, лежу на одном боку, несу на себе пыль и грязь, пребываю на открытом месте; занимаю то сиденье, которое мне предлагают; питаюсь нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пью, следуя отказу от питья; омываюсь вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишённый вражды и лишённый злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишённое греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом".

17. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Блаженному: "Трудно узнать отшельника, почтенный, трудно узнать брахмана".

- "Так говорят обычно в этом мире, Кассапа: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". Но если бы обнаженный аскет, Кассапа, свободно вел себя, облизывал руки после еды, не принимал предложения подойти и не принимал предложения остановиться за милостыней, не принимал ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения, не принимал пищи с края горшка, не принимал пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух сидящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; не ел ни рыбы, ни мяса, не пил ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствовался милостыней в одном доме и одним куском или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; жил одним подношением, или жил двумя подношениями, или жил семью подношениями; жил, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользовался пропитанием раз в день, или пользовался пропитанием раз в два дня, или пользовался пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца, — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". Ведь это смог бы узнать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Этот обнаженный аскет свободно ведет себя, оближивает руки после еды, не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться за милостыней, не принимает ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения; не принимает пищи с края горшка, не принимает пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух сидящих, ни от

беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи, ни там, где находится собака, ни там, где рядом роем слетаются мухи; не ест ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствуется милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи, пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения: — этот монах, Кассапа, зовется отшельником или брахманом.

И если бы, Кассапа, он питался овощами, питался просом, питался сырым мясом, питался даддулой, питался хатой, питался красной пылью между шелухой и зерном риса, питался накипью от вареного риса, питался сезамовой мукой, питался травами, питался коровьим пометом; жил, поедая лесные корни и плоды; кормился упавшими перед ним плодами, — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". Ведь это смог бы узнать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Он питается овощами, питается просом, питается сырым рисом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом, живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими перед ним плодами". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, — это монах, Кассапа, зовется отшельником, зовется брахманом.

И если бы, Кассапа, он носил одежду из пеньки, носил одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носил одеяния мертвецов, носил отрепья с мусорной свалки, носил одежду из коры тиритаки, носил одежду из кожи черной антилопы, носил накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носил одежду из волокон кусы, носил одежду из лыка, носил одежду из деревянных дощечек, носил покрывало из человеческих волос, носил покрывало из лошадиных волос, носил покрывало из перьев совы; выщипывал волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находился в стоячем положении, отказавшись от сиденья; сидел на корточках, следуя упражнению сиденья на корточках; пользовался подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложился на постель из деревянных дощечек, ложился на голую землю, лежал на одном боку, нес на себе пыль и грязь, пребывал на открытом месте; занимал то сиденье, которое ему предлагают; питался нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пил, следуя отказу от питья; омывался вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что

трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: “Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана”. Ведь это смог бы узнать любой домохозяин или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: “Он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит покрывало из перьев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сидения, сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет на себе пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают, питается нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; он омывается вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде”. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: “Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана”. С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишнее греховных свойств, освобождение мыслей и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом”.

18. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Блаженному: “Каково же, почтенный Готама, это совершенство в нравственности, каково совершенство в мысли, каково совершенство в постижении?”

“Вот, Кассапа, в мир приходит Татхагата — архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, — в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: “Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным”. И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Кассапа, монах предан нравственности. Вот, Кассапа, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени — он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным

образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, — он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, — а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, — он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, — а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, — он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о

прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, — он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, — а именно: “Ты не знаешь дхармы и должного поведения, — я знаю дхарму и должное поведение!”, “Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?”, “Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!”, “Я последователен — ты непоследователен!”, “Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!”, “/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!”, “Твоя речь опровергнута, ты побежден!”, “Оставь эту речь или разъясни, если можешь!” — он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: “иди сюда”, “иди туда”, “возьми это”, “неси это туда”, — он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, — он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строения, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, — он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью — а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, — будет наступление здешнего

царя, будет отступление чужого царя, — будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, — будет победа здешнего царя, — будет победа одного, будет поражение другого — он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью — а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движение Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд — он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью — а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, — он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, — он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умягчение; бывая глазами врачами, хирургами, леча детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, — он избегает подобным

образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Кассапа, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, Кассапа, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей — так же точно, Кассапа, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, Кассапа, бывает монах, наделенный нравственностью. Таково, Кассапа, это совершенство в нравственности.

Как же, Кассапа, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Кассапа, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, Кассапа, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, Кассапа, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Кассапа, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, Кассапа, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Кассапа, монах удовлетворен? Вот, Кассапа, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, великий царь, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, Кассапа, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, Кассапа, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель — в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чисте, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: “Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: “Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: “Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: “Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого,

раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: “Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни”, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Кассапа, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Кассапа, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящемся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившиеся телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, — связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье — и пребывает в ней. Он обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, Кассапа, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливаться так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, Кассапа, и монах обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью. Это и есть часть его совершенства в мысли.

И далее, Кассапа, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, Кассапа, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питая его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, Кассапа, и монах обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, Кассапа, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Кассапа, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: “уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье”, он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, Кассапа, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, Кассапа, и монах обливает, обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, Кассапа, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Кассапа, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом. Это и есть часть его совершенства в мысли. Таково, Кассапа, это совершенство в мысли.

Так с сосредоточенной мыслью — чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: “Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание”.

Подобно тому, Кассапа, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, — продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: “Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, — и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая” – так же точно, Кассапа, и монах с сосредоточенной мыслью — чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, — он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: “Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание”. Это и есть часть его совершенства в постижении.

Таково, Кассапа, это совершенство в постижении.

И нет, Кассапа, другого совершенства в нравственности, совершенства в мысли, совершенства в постижении, превосходнее и возвышеннее этого совершенства в нравственности, совершенства в мысли, совершенства в постижении.

21. Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие нравственность. На все лады они воздают хвалу нравственности. Но что касается праведной, высшей нравственности, Кассапа, то я не вижу здесь кого-либо равного мне, тем более — лучшего. И здесь, в том, что касается этой нравственности, именно я — лучше.

Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие подвижничество и отвращение к миру. На все лады они воздают хвалу подвижничеству и отвращению к миру. Но что касается праведного, высшего подвижничества и отвращения к миру, Кассапа, то я не вижу здесь кого-либо равного мне, тем более лучшего. И здесь, в том, что касается этого отвращения к миру, именно я — лучше.

Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие постижение. На все лады они воздают хвалу постижению. Но что касается праведного, высшего постижения, Кассапа, то я не вижу здесь кого-либо равного мне, тем более — лучшего. И здесь в том, что касается постижения, именно я — лучше.

Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие освобождение. На все лады они воздают хвалу освобождению. Но что касается праведного, высшего освобождения, Кассапа, то я не вижу здесь кого-либо равного мне, тем более — лучшего. И здесь, в том, что касается освобождения, именно я — лучше.

22. И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других сект скажут: "Львиным рыком рычит — отшельник Готама, но рычит он в уединении, а не в собраниях среди людей. Им следует сказать: "Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях", — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других сект скажут: "И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, но не рычит с уверенностью". Им следует сказать: "Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в уединении, и рычит с уверенностью", — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других сект скажут: "И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в уединении, и рычит с уверенностью", — так следует сказать им, — но ему не задают вопросов". Им следует сказать: "Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы", — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других сект скажут: "И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, но, будучи спрошен, он не отвечает на вопрос". Им следует сказать: "Это не так, и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и будучи спрошен, он отвечает им на вопрос", — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других сект скажут: "И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью и ему задают вопросы, и будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, но ответом на вопрос не удовлетворяет мысль". Им следует сказать: "Это не так — и

ответом на вопрос удовлетворяет мысль, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, высказывают признаки веры и следуют путем истины, и, следуя этим путем, достигают цели, — так следует сказать им, Кассапа”.

23. Однажды, Кассапа, я пребывал в Раджагахе, на холме Гидждехакута. И там некий целомудренный подвижник по имени Нигродха задал мне вопрос относительно отвращения к миру. Будучи спрошен, я ответил ему на вопрос относительно отвращения к миру. И когда я ответил, он был удовлетворен в высшей степени”.

- "Кто же, господин, выслушав истину от Блаженного, не будет удовлетворен в высшей степени? И я тоже, господин, выслушав истину от Блаженного, удовлетворен в высшей степени. Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Блаженный с помощью многих наставлений преподал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Блаженному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Да обрету я, господин, странничество вблизи Блаженного, да обрету я доступ в общину!”.

24. -"Кто, Кассапа, принадлежа прежде к другой секте, в соответствии с этой дхаммой и должным поведением стремится к странничеству, стремится к доступу в общину, тот в течение четырех месяцев подвергается испытанию; по истечении четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают его странником и доставляют доступ в общину — к состоянию монаха. Но и здесь мне известны различия между отшельниками лицами”.

- "Если, господин, принадлежавшие прежде к другой секте и в соответствии с этой дхаммой и должным поведением стремящиеся к странничеству, стремящиеся к доступу в общину в течение четырех месяцев подвергаются испытанию, по истечении же четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают их странниками и доставляют доступ в общину — к состоянию монаха, то в течение четырех месяцев я буду подвергаться испытанию, по истечении же четырех месяцев пусть удовлетворенные в мыслях монахи сделают меня странником и доставят доступ к общину — к состоянию монаха”.

И так обнаженный аскет Кассапа обрел странничество вблизи Блаженного, обрел доступ в общину. И вскоре после того, как достопочтенный Кассапа обрел доступ в общину, он, предавшись одиночеству, пребывая в усердии, рвении и решимости, скоро сам познал, испытал и обрел в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными, — несравненный венец целомудрия — и постиг: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием”. И так достопочтенный Кассапа стал одним из архатов.

Окончена восьмая Кассапа-сиханада сутта